

Уильям Мейкпис Теккерей (William Makepeace Thackeray) 1811 - 1863

Ярмарка тщеславия. Роман без героя (Vanity fair. A novel without a hero)

(1847- 1848)

Англия, начало XIX в. Европа воюет с Наполеоном, но это не мешает множеству людей, одержимых честолюбием, продолжать погоню за мирскими благами — состоянием, титулами, чинами. Ярмарка Тщеславия, Базар Житейской Суеты бурлит денно и ночью...

Перед занавесом

Чувство глубокой грусти охватывает Кукольника, когда он сидит на подмостках и смотрит на Ярмарку, гомонящую вокруг. Здесь едят и пьют без всякой меры, влюбляются и изменяют, кто плачет, а кто радуется; здесь курят, плутуют, дерутся и пляшут под пикиканье скрипки; здесь шатаются буяны и забияка, повесы подмигивают проходящим, женщинам, жулье шныряет по карманам, полицейские глядят в оба, шарлатаны (не мы, а другие, — чума их задави) бойко зазывают публику; деревенские олухи тарашатся, на мишурные наряды танцовщиц и на жалких, густо наруганных старикашек-клоунов, между тем как ловкие воришки, подкравшись сзади, очищают карманы зевак. Да, вот она, Ярмарка Тщеславия; место нельзя сказать чтобы, назидательное, да ж не слишком небелое, несмотря на царящий вокруг шум и гам. А посмотрите вы на лица комедиантов и шутов, когда они не заняты делам и Том-дурак, смыв со щек краску, садится полдничать со своей женой и маленьким глупышкой Джеком, укрывшись, за серой холстиной. Но скоро занавес поднимут, и вот уже Том опять кувыркается через голову и орет во всю глотку: «Наше вам почтение!»

Человек, склонный к раздумью, случись ему бродить по такому гульбищу, не будет, я полагаю, чересчур удручен ни своим, ни чужим весельем. Какой-нибудь смешной или трогательный эпизод, быть может, умилил его или позабавит: румяный мальчуган, заглядевшийся на лоток с пряниками; хорошенькая плутовка, краснеющая от любезностей своего кавалера, который выбирает ей ярмарочный подарок; или Том-дурак — прикорнувший позади фургона бедняга сосет обглоданную кость в кругу своей семьи, которая кормится его скоморошеством. Но все же общее впечатление скорее грустное, чем веселое. И, вернувшись домой, вы садитесь, все еще погруженный в глубокие думы, не чуждые сострадания к человеку, и беретесь за книгу или за прерванное дело.

Вот и вся мораль, какую я хотел бы предпослать своему рассказу о Ярмарке Тщеславия. Многие самого дурного мнения о ярмарках и сторонятся их со своими чадами и домочадцами; быть может, они и правы. Но люди другого склада, обладающие умом ленивым, снисходительным или насмешливым, пожалуй, согласятся заглянуть к нам на полчаса и посмотреть на представление. Здесь они увидят зрелища самые разнообразные: кровопролитные сражения, величественные и пышные карусели, сцены из великосветской жизни, а также из жизни очень скромных людей, любовные эпизоды для чувствительных сердец, а также комические, в легком жанре, — и все это обставлено подходящими декорациями и щедро иллюминировано свечами за счет самого автора.

Что еще может сказать Кукольник? Разве лишь упомянуть о благосклонности, с какой представление было принято во всех главнейших английских городах, где оно побывало и где о нем весьма благоприятно отзывались уважаемые представители печати, а также местная знать и дворянство. Он гордится тем, что его марионетки доставили удовольствие самому лучшему обществу нашего государства. Знаменитая кукла Бекки проявила необычайную гибкость в суставах и оказалась весьма проворной на проволоке; кукла Эмилия, хоть и снискавшая куда более ограниченный круг поклонников, все же отделана художником и разодета с величайшим старанием; фигура Доббина, пусть и неуклюжая с

виду, пляшет преестественно и презабавно; многим понравился танец мальчиков. А вот, обратите внимание на богато разодетую фигуру Нечестивого Вельможи, на которую мы не пожалели никаких издержек и которую в конце этого замечательного представления унесет черт. Засим, отвесив глубокий поклон своим покровителям, Кукольник уходит, и занавес поднимается.

Лондон, 28 июня 1848 г

Две юных девицы покидают пансион мисс Пинкертона. Эмилия Седли, дочь состоятельного эсквайра, являет собой образец чисто английской, несколько пресной миловидности и добродетели. Она *«обладает добрым, нежным и великодушным сердцем»*, и, по правде говоря, не блещет умом. Иное дело Ребекка Шарп. Дочь беспутного художника и балетной танцовщицы, француженки, *«мала ростом, хрупка и бледна»*, но один взгляд ее зеленых глаз уже способен сразить наповал любого мужчину. Бекки, выросшая в веселой бедности, умна, остра на язык, видит людей насквозь и полна решимости любой ценой завоевать место под солнцем, даже путем лицемерия и обмана. Что ж делать, ведь у бедняжки нет ни любящих родителей, ни состояния, ни титула — всего того, что питает добродетель более счастливых сверстниц.

Эмилия, искренне привязанная к Бекки, приглашает ее погостить, и та пользуется гостеприимством наилучшим образом. Маленькая плутовка умеет понравиться всем, но главное, она с величайшим успехом пробует свои чары на Джозефе Седли, брате Эмили. Лесть, притворство, и этот *«лентяй, брюзга и бонвиван»* готов к последнему решительному шагу.

К несчастью, в дело вмешивается случай и мистер Джордж Осборн, жених Эмили, в результате чего надежды юной интриганки рушатся, а Джозеф спасается бегством.

В жизни мисс Шарп открывается новая страница: она приступает к обязанностям гувернантки в Королевском Кроули, наследственном поместье сэра Питта Кроули, *«неимоверно вульгарного и неимоверно грязного старика»*, пьяницы, скареды и сутяги. Изобретательность, умение притворяться и лицемерить помогают Бекки завоевать расположение всех обитателей поместья, начиная с ее воспитанниц и кончая мистером Питтом Кроули, старшим сыном баронета, истинным *«благовоспитанным джентльменом»*, которого побаивается даже буйный папаша. Что касается последнего, то Бекки находит *«множество способов быть ему полезной»*. Не проходит и года, как она становится совершенно незаменимой, чуть ли не хозяйкой в доме.

Королевское Кроули осчастлививляет ежегодным визитом незамужняя сводная сестра сэра Питта, на банковском счету которой значится изрядная сумма. Эта старая дама *«знается с атеистами и французами»*, любит весело пожить и безбожно тиранит компаньонку, прислугу, а заодно и многочисленных родственников, надеющихся получить наследство.

Она терпеть не может ни сэра Питта, ни его старшего сына, зато обожает младшего — Родона Кроули — недалекого офицера гвардии, шалопая, игрока и дуэлянта. Мисс Кроули находит Ребекку настолько очаровательной и остроумной, что, заболев, увозит ее в свой лондонский дом, где и завершается роман между нищей гувернанткой и младшим сыном баронета.

Завершается тайным браком, ибо, несмотря на пристрастие тетушки к Свободе и Равенству, она может сильно рассердиться. Все открывается после смерти жены сэра Питта, когда он, не слишком опечаленный этой безвременной кончиной, пытается вернуть Ребекку в Королевское Кроули. Сэр Питт падает на колени, предлагая ей стать леди Кроули, и в этот миг бестрепетная Бекки в первый раз в жизни теряет присутствие духа и разражается *«самыми неподдельными слезами»*. Зачем она поторопилась? Какой шанс упущен!

Молодую чету проклинаят все. Как ни старается Родон, руководимый умненькой Ребеккой, вернуть расположение тетушки, ему это не удается. Поборница демократии и любительница романтических браков до конца своих дней так и не простит племяннику мезальянса. О сэре Питте и говорить нечего: старик буквально *«теряет разум от ненависти и несбывшихся желаний»*, все больше опускается, и только его смерть спасает родовое гнездо от окончательного опустошения и надругательства.

Супругам приходится рассчитывать только на скромное жалованье капитана гвардии. Однако неунывающая Бекки в совершенстве владеет искусством, которое еще не раз пригодится ей в жизни, искусством жить более или менее припеваючи, не имея ни гроша наличных денег. Она не теряет надежды занять более блестящее место в обществе и согласна потерпеть, а Родон, страстно и слепо влюбленный в жену, превращается в счастливого и покорного супруга.

Тем временем над головой Эмили сгущаются тучи, и виною тому, как это ни удивительно, оказывается Наполеон, или Бони, как его именуют англичане. Бегство Бонапарта с Эльбы и высадка его армии в Каннах изменяют положение дел на бирже и влекут за собой полное разорение Джона Седли, отца Эмили.

И кто же оказывается *«самым несговорчивым и упрямым из кредиторов»*? Его друг и сосед Джон Осборн, которому он помог выйти в люди. Имущество Седли идет с молотка, семья переселяется в убогую наемную квартиру, но не из-за этого страдает Эмилия. Беда в том, что эта простодушная девушка любит жениха не так, как положено любить на Ярмарке Тщеславия, а всем сердцем и на всю жизнь. Она искренне считает пустого, самовлюбленного и фатоватого Джорджа Осборна самым красивым и умным мужчиной на свете. В

отличие от Ребекки, все поступки которой диктуются «корыстью, эгоизмом и нуждой», Эмилия живет только любовью. А Джордж... Джордж милостиво позволяет себя любить, не отказываясь от чисто холостяцких увеселений и не балуя невесту особым вниманием.

После краха Джона Седли отец запрещает Джорджу жениться на Эмили. Более того, ее собственный отец тоже слышать не хочет о браке с «сыном негодяя». Бедняжка Эмилия в отчаянии. Но тут в дело вмешивается капитан Доббин, верный друг Джорджа, честный и великодушный человек, который уже давно горячо любит Эмилию, не решаясь в том признаться даже самому себе. Он уговаривает Джорджа, не чуждого благородных порывов, жениться на Эмили вопреки воле отца. Не стоит и говорить о том, что отец отказывается от Джорджа и лишает его наследства.

Когда Джордж и Доббин остались вдвоем в номере капитана, тот вынул из своей дорожной шкатулки письмо, которое мистер Осборн поручил ему передать сыну.

– Это не отцовский почерк, – сказал Джордж с тревогой. Так оно и оказалось. Письмо было от поверенного мистера Осборна и гласило следующее:

"Бедфорд-роу, мая 7, 1815 г. Сэр, я уполномочен мистером Осборном уведомить вас, что он остается при решении, высказанном ранее вам лично, и что вследствие брака, который вам угодно было заключить, он отныне перестает считать вас членом своего семейства. Это решение окончательно и отмене не подлежит.

Хотя денежные средства, истраченные на вас до наступления вашего совершеннолетия, равно как и векселя, которые вы за последние годы столь щедро выдавали на вашего батюшку, далеко превышают по общему итогу ту сумму, на каковую вы вправе притязать (она составляет третью часть состояния вашей матушки, покойной миссис Осборн, перешедшего после ее кончины к вам, к мисс Джейн Осборн и к мисс Марии Фрэнсис Осборн), однако я уполномочен мистером Осборном заявить вам, что он отказывается от всяких претензий на ваше имущество, и сумма в две тысячи фунтов, в четырехпроцентных бумагах, по курсу дня (то есть принадлежащая вам третья часть суммы в шесть тысяч фунтов) будет уплачена вам или вашим представителям под вашу расписку вашим покорным слугой С. Хигсом. Р. S. Мистер Осборн просит меня заявить вам раз навсегда, что он заранее отказывается получать какие бы то ни было сообщения, письма или извещения от вас по сему предмету или по любому иному".

– Хорошо же ты уладил это дело! – сказал Джордж, свирепо глядя на Уильяма Доббина. – Вот, посмотри-ка! – И он бросил ему отцовское письмо. – Нищий, черт побери, а все из-за моей распроклятой чувствительности! Почему нельзя было подождать? Вполне возможно, что я погибну на войне, и что будет хорошего для Эмми, если она останется вдовой нищего? Все это ты наделал! Не мог успокоиться, пока не заставил меня жениться и не разорил! На какого дьявола мне две тысячи фунтов? Их не хватит и на два года! Я уже за то время, что мы здесь, продул Кроули сто сорок фунтов в карты и на бильярде. Нечего сказать, умеешь ты устраивать чужие дела!

– Нельзя отрицать, что положение трудное, – спокойно отвечал Доббин, прочтя письмо. – И, как ты говоришь, я отчасти тому причиной. Но есть люди, которые были бы не прочь поменяться с тобой, – добавил он с горькой усмешкой. – Сам подумай, много ли у нас в полку капитанов, имеющих две тысячи фунтов про черный день? Ты должен жить на жалованье, пока твой отец не смягчится, а если ты умрешь, то оставишь жене сто фунтов годового дохода.

– Неужели ты воображаешь, что человек с моими привычками в состоянии жить на жалованье и на какую-то сотню фунтов в год? – воскликнул Джордж в сердцах. – Надо быть дураком, чтобы так говорить, Доббин! Как мне, черт подери, поддерживать свое положение в свете на такие жалкие гроши? Я не могу изменить своих привычек! Я должен жить с удобствами! Я вскормлен не на овсянке, как Мак-Виртер, и не на картошке, как старый О'Дауд. Может, ты хочешь, чтобы моя жена занялась стиркой на солдат или ездила за полком в обозном фургоне?

– Ну, ладно, ладно, – сказал Доббин, по-прежнему добродушно. – Мы раздобудем для нее экипаж и получше! Но не забывай, милый мой Джордж, что ты сейчас всего лишь свергнутый с трона принц, и наберись спокойствия на то время, пока бушует буря. Она

скоро пронесется. Пусть только твое имя будет упомянуто в «Газете», и я ручаюсь, что отец смилостивится к тебе.

– Упомянуто в «Газете»? – повторил Джордж. – А в каком отделе? В списке убитых и раненых, да еще, чего доброго, в самом начале его?

– Брось! Не оплакивай себя раньше времени, – заметил Доббин. – А если что-нибудь и случится, то ты знаешь, Джордж, что у меня кое-что есть, я жениться не собираюсь и не забуду своего крестника в духовном завещании, – прибавил он с улыбкой.

Спор их, как и десятки подобных разговоров между Осборном и его другом, закончился тем, что Джордж объявил, что на Доббина нельзя долго сердиться, и великодушно простил ему обиды, которые сам же нанес без всякого к тому основания.

– Послушай-ка, Бекки, – закричал Родон Кроули из своей туалетной комнаты жене, наряжавшейся к обеду у себя в спальне.

– Что? – раздался в ответ звонкий голос Бекки. Она гляделась через плечо в зеркало. С обнаженными плечами, в прелестном белом платье с небольшим ожерельем и голубым поясом, она являла собою образ юной невинности и девического счастья.

– Как по-твоему, что будет делать миссис Осборн, когда Осборн уйдет с полком? – спросил Кроули, входя в комнату; он исполнял на своей макушке дуэт двумя огромными головными щетками и с восхищением поглядывал из-под свисающих волос на свою хорошенькую жену.

– Наверно, выплачет себе глаза, – отвечала Бекки. – Она уже раз пять принималась хныкать при одном упоминании об этом, когда мы были вдвоем.

– А тебе, видно, решительно все равно, – сказал Родон, задетый за живое бесчувственностью своей жены.

– Ах ты, гадкий! Да разве ты не знаешь, что я намерена ехать с тобой? – воскликнула Бекки. – Кроме того, ты совсем другое дело! Ты идешь адъютантом генерала Тафто. Мы не состоим в строевых войсках! – сказала миссис Кроули, вздергивая головку с таким видом, что супруг пришел в восторг и, нагнувшись, поцеловал ее.

– Родон, голубчик... как ты думаешь... не лучше ли будет получить эти деньги с Купидона до его отъезда? – продолжала Бекки, прикалывая сногшибательный бантик. Она прозвала Джорджа Осборна Купидоном. Она десятки раз говорила ему о его красивой наружности. Она ласково поглядывала на него за экарте по вечерам, когда он забежал к Родону на полчаса перед сном.

Она часто называла Джорджа ужасным ветреником и грозилась рассказать Эмми о его времяпрепровождении и дурных сумасбродных привычках. Она подавала ему сигары и подносила огонь: ей был хорошо известен эффект этого маневра, так как в былые дни она испробовала его на Родоне Кроули. Джордж считал ее веселой, остроумной, лукавой, *distinguee*, восхитительной. Во время прогулок и обедов Бекки, разумеется, совершенно затмевала бедную Эмми, которая робко сидела, не произнося ни слова, пока ее супруг и миссис Кроули оживленно болтали, а капитан Кроули и Джоз (вскоре присоединившийся к новобрачным) в молчании поглощали еду.

В душе у Эмми шевелилось предчувствие чего-то недоброго со стороны подруги. Остроумие Ребекки, ее веселый нрав и таланты смущали ее и вызывали тягостную тревогу. Они женаты всего лишь неделю, а Джордж уже скучает с ней и жаждет другого общества! Она трепетала за будущее. «Какой я буду ему спутницей, – думала она, – ему, такому умному и блестящему, когда сама я такая незаметная и глупенькая! Как было благородно с его стороны жениться на мне – отречься от всего и снизить до меня. Мне следовало бы отказать ему. но у меня не хватило духу. Мне следовало бы остаться дома и ухаживать за бедным папой!» Она впервые вспомнила о своем небрежении к родителям (у бедняжки были, конечно, некоторые основания обвинять себя в этом) и покраснела от стыда. «О, я поступила очень гадко, – думала она, – я показала себя эгоисткой, когда забыла о них в их горе... когда заставила Джорджа жениться на мне. Я знаю, что

недостойна его... Знаю, что он был бы счастлив и без меня... и все же... но ведь я старалась, старалась от него отказаться».

Обе опальные четы встречаются в Брюсселе, куда выступает полк Джорджа и Доббина и прибывает генерал гвардии Тафто с адъютантом Родоном Кроули. Полк с восторгом принимает Эмилию, но ее подруга возвращается в куда более блестящем обществе. Где бы ни появилась Ребекка, она всегда окружена толпой знатных поклонников. В их число попадает и Джордж Осборн.

Кокетство Бекки и собственное тщеславие заводят его настолько далеко, что на балу он передает ей букет с письмом, в котором умоляет бежать с ним. (Разумеется, та никогда и не собиралась совершать ничего подобного. Она-то знает цену Джорджу.) Но в тот же день войска Наполеона переходят Самбру, и Джордж, полный невысказанного раскаяния, прощается с женой. Прощается, чтобы через несколько дней погибнуть в битве при Ватерлоо.

А Бекки и Родон после Ватерлоо проводят три года в Париже. Ребекка пользуется бешеным успехом, она допущена в самое высшее общество, французы не столь разборчивы, как англичане. Впрочем, она не собирается оставаться во Франции на всю жизнь. Все семейство (в Париже у Бекки и Родона рождается сын) возвращается в Лондон, где чета Кроули живет, как всегда, в кредит, раздавая обещания всем и не платя никому.

Тетушка Родона наконец отходит в мир иной, оставив почти все состояние старшему племяннику, женатому на дочери лорда Саутдауна леди Джейн, честной и достойной женщине. Вскоре умирает и сэр Питт, а новый баронет, испытывая чувство вины перед братом (как-никак тетушкины деньги достались бы ему, если бы не женитьба на гувернантке), считает своим долгом объединить семью.

И вот Ребекка снова появляется в Королевском Кроули и снова умудряется очаровать всех. Чего ей только не приходится для этого делать! Даже изображать любовь к сыну, к которому она на самом деле не питает ни малейшей привязанности.

Тонкая лесть Ребекки так пленяет новоиспеченного баронета, что он едва ли не каждый день бывает у нее в доме. Столь же часто там бывает и всемогущий лорд Стайн, вельможный покровитель Бекки, старый циник, с помощью которого бывшая гувернантка «карабкается и проталкивается вперед». Какими способами она этого добивается, никто не может сказать ничего определенного, но лорд Стайн дарит ей бриллианты и предоставляет в ее распоряжение свои погребки.

Наконец происходит событие, которое ставит Бекки в один ряд с респектабельными дамами, ее представляют ко двору. Она входит в самые высокие круги лондонского света и убеждается в том, что сильные мира сего ничем не отличаются от "Смитов и Джонсов". Когда первый восторг проходит, Бекки становится скучно. А ее муж с каждым днем чувствует себя все более одиноким среди «интриг, аристократических собраний и блестящих персонажей» и все больше привязывается к сыну.

Блистательное шествие Бекки по Ярмарке Тщеславия кончается катастрофой.

Простившись с невесткой, Родон быстро зашагал домой. Было девять часов вечера. Он пробежал по улицам и широким площадям Ярмарки Тщеславия и, наконец, едва переводя дух, остановился у своего дома. Он поднял голову – и в испуге, весь дрожа, отступил к решетке: окна гостиной были ярко освещены, а Бекки писала, что она больна и лежит в постели! Родон несколько минут простоял на месте; свет из окон падал на его бледное "лицо".

Он достал из кармана ключ от входной двери и вошел в дом. Из верхних комнат до него донесся смех. Родон был в бальном костюме, – в том виде, в каком его арестовали. Он медленно поднялся по лестнице и прислонился к перилам верхней площадки. Никто во всем доме не шевельнулся, – все слуги были отпущены со двора. Родон услышал в комнатах хохот... хохот и пение. Бекки запела отрывок из песенки, которую исполняла накануне; хриплый голос закричал: «Браво! браво!» Это был голос лорда Стайна.

Родон открыл дверь и вошел. Маленький стол был накрыт для обеда – на нем поблескивало серебро и графины.

Стайн склонился над софой, на которой сидела Бекки. Негодная женщина была в вечернем туалете, ее руки и пальцы сверкали браслетами и кольцами, на груди были брильянты, подаренные ей Стайном. Милорд держал ее за руку и наклонился, чтобы поцеловать ей пальчики, как вдруг Бекки слабо вскрикнула и вскочила – она увидела бледное лицо Родона. В следующее мгновение она попыталась улыбнуться, как бы приветствуя вернувшегося супруга, – ужасная то была улыбка; Стайн выпрямился, бледный, скрипя зубами и с яростью во взоре. Он, в свою очередь, сделал попытку засмеяться и шагнул вперед, протягивая руку.

– Как! Вы уже вернулись?.. Здравствуйте, Кроули! – произнес он, и рот у него перекосился, когда он попробовал улыбнуться непрошеному гостю.

Что-то в лице Родона заставило Бекки кинуться к мужу.

– Я невинна, Родон! – сказала она. – Клянусь богом, невинна! – Она цеплялась за его платье, хватала его за руки. Ее руки были сплошь покрыты змейками, кольцами, браслетами. – Я невинна! Скажите же, что я невинна! – взмолилась она, обращаясь к лорду Стайну.

Тот решил, что ему подстроена ловушка, и ярость его обрушилась на жену так же, как и на мужа.

– Это вы-то невинны, черт вас возьми! – завопил он. – Вы невинны! Да каждая побрякушка, что на вас надета, оплачена мною! Я передавал вам тысячи фунтов, которые тратил этот молодец и за которые он вас продал. Невинны, дьявол... Вы так же невинны, как ваша танцовщица-мать и ваш сводник-супруг. Не думайте меня запугать, как вы запугивали других... С дороги, сэр! Дайте пройти! – И лорд Стайн схватил шляпу и, с бешеной злобой глянув в лицо своему врагу, двинулся прямо на него, ни на минуту не сомневаясь, что тот даст ему дорогу.

Но Родон Кроули прыгнул и схватил его за шейный платок. Полузадушенный Стайн корчился и извивался под его рукой.

– Лжешь, собака! – кричал Родон. – Лжешь, трус и негодяй! – И он дважды наотмашь ударил пэра Англии по лицу и швырнул его, окровавленного, на пол.

Все это произошло раньше, чем Ребекка могла вмешаться. Она стояла подле, трепеща всем телом. Она любовалась своим супругом, сильным, храбрым – победителем!

– Подойди сюда! – приказал он.

Она подошла к нему.

– Сними с себя это.

Вся дрожа, она начала неверными руками стаскивать браслеты с запястий и кольца с трясущихся пальцев и подала все мужу, вздрагивая и робко поглядывая на него.

– Брось все здесь, – сказал тот, и она выпустила драгоценности из рук.

Родон сорвал у нее с груди брильянтовое украшение и швырнул его в лорда Стайна. Оно рассекло ему лысый лоб. Стайн так и прожил с этим шрамом до могилы.

– Пойдем наверх! – приказал Родон жене.

– Не убивай меня, Родон! – взмолилась она.

Он злобно захохотал.

– Я хочу убедиться, лжет ли этот человек насчет денег, как он налгал на меня. Он давал тебе что-нибудь?

– Нет, – отвечала Ребекка, – то есть...

– Дай мне ключи, – сказал Родон.

И супруги вышли из комнаты.

Ребекка отдала мужу все ключи, кроме одного, в надежде, что Родон этого не заметит. Ключ этот был от маленькой шкатулки, которую ей подарила Эмилия в их юные годы и которую Бекки хранила в укромном месте. Но Родон вскрыл все ящики и гардеробы, вышвырнул из них на пол горы пестрых тряпок и наконец нашел шкатулку. Ребекка вынуждена была ее отпереть. Там хранились документы, старые любовные письма, всевозможные мелкие безделушки и женские реликвии. А кроме того, там лежал бумажник с кредитными билетами. Некоторые из них были тоже десятилетней давности, но один был совсем еще новенький – банкнот в тысячу фунтов, подаренный Бекки лордом Стайном.

– Это от него? – спросил Родон.

– Да, – ответила Ребекка.

– Я отошлю ему деньги сегодня же, – сказал Родон (потому что уже занялся новый день: обыск тянулся несколько часов), – заплачу Бригс, она была так ласкова с мальчиком, и

покрою еще некоторые долги. Ты мне укажешь, куда тебе послать остальное. Ты могла бы уделить мне сотню фунтов, Бекки, из стольких-то денег, – я всегда с тобой делился.

– Я невинна, – повторила Бекки.

И муж оставил ее, не сказав больше ни слова.

О чем она думала, когда он оставил ее? После его ухода прошло несколько часов, солнце заливало комнату, а Ребекка все сидела одна на краю постели. Все ящики были открыты, и содержимое их разбросано по полу: платья и перья, шарфы и драгоценности – обломки крушения тщеславных надежд! Волосы у Бекки рассыпались по плечам, платье разорвалось, когда Родон срывал с него брильянты. Она слышала, как он спустился по лестнице и как за ним захлопнулась дверь. Она знала: он не вернется. Он ушел навсегда. «Неужели он убьет себя? – подумала она. – Нет, разве что после дуэли с лордом Стайном...» она задумалась о своей долгой жизни и о всех печальных ее событиях. Ах, какой она показалась Бекки унылой, какой жалкой, одинокой и неудачной! Не принять ли ей опиум и тоже покончить с жизнью – покончить со всеми надеждами, планами, триумфами и долгами? В таком положении и застала ее француженка-горничная: Ребекка сидела как на пожарище, стиснув руки, с сухими глазами. Горничная была ее сообщницей и состояла на жалованье у Стайна.

– Mon Dieu, madame! Что случилось? – спросила она. Да, что случилось? Была она виновна или нет? Бекки говорила – нет, но кто мог бы сказать, где была правда в том, что исходило из этих уст, и было ли на сей раз чисто это порочное сердце? Столько лжи и выдумки, столько эгоизма, изворотливости, ума – и такое банкротство! Горничная задернула занавеси и просьбами и показной лаской убедила хозяйку лечь в постель. Затем она отправилась вниз и подобрала драгоценности, валявшиеся на полу с тех пор, как Ребекка бросила их там по приказу мужа, а лорд Стайн удалился.

Родон уличает ее если не в измене, то в предательстве, пытается вызвать на дуэль лорда Стайна и в конце концов покидает Англию, чтобы занять пост губернатора острова Ковентри (выхлопотанный для него все тем же лордом Стайном).

Ребекка исчезает, а Родон Кроули-младший остается на попечении дяди и его жены, которая заменяет ему мать.

А что же Эмилия? Смерть мужа едва не стоила ей жизни, ее спасло только рождение сына, которого она боготворит, как боготворила мужа. Долгое время она живет с родителями, стойко переносит бедность и лишения и находит отраду в маленьком Джорджи.

Но старый Джон Осборн, пораженный сходством внука с покойным сыном, предлагает забрать мальчика и воспитать его как джентльмена. Бедная Эмилия расстается с сыном ради его блага и после смерти матери находит утешение в том, чтобы скрашивать последние дни старика отца. Но как раз в то время, когда Ребекка терпит сокрушительный крах, фортуна поворачивается лицом к Эмили. Из Индии возвращается майор Доббин вместе с ее братом Джозефом, который клянется, что отныне его родные не будут знать нужды.

Как замирает преданное сердце майора, когда он подходит к дому, где живет миссис Осборн, какое счастье охватывает его, когда он узнает, что она не вышла замуж. Правда, и ему надеяться особенно не на что. Эмилия по-прежнему словно не замечает бескорыстной, преданной любви Доббина, по-прежнему не видит его выдающихся достоинств. Она остается верна памяти мужа, со всем жестокосердием добродетели предоставляя Доббину «смотреть и томиться». Вскоре умирает Джон Седли, а вслед за ним и Джон Осборн. Он оставляет маленькому Джорджи половину состояния и восстанавливает вдову своего «возлюбленного сына» в опекунских правах.

Поскольку майор был опекуном Джорджи, а Эмили пришлось отдать мальчика деду, между обоими джентльменами состоялся ряд деловых свиданий, и во время одного из них старик Осборн, отличный делец, просматривая отчеты майора по делам опекаемого и его матери, сделал поразительное открытие, которое и огорчило его и порадовало: часть средств, на которые существовала бедная вдова и ее ребенок, шла из собственного кармана Уильяма Доббина.

Когда Осборн потребовал от Доббина объяснений, тот, как человек, совершенно не умеющий лгать, покраснел, начал что-то плести и в конце концов признался.

– Брак Джорджа, – сказал он (при этих словах лицо его собеседника потемнело), – в значительной степени было делом моих рук. Я считал, что мой бедный друг зашел так далеко, что отступление от взятых им на себя обязательств опозорит его и убьет миссис Осборн. И когда она оказалась без всяких средств, я просто не мог не поддержать ее в меру своих возможностей.

– Майор Доббин, – сказал мистер Осборн, глядя на него в упор и тоже заливаясь краской, – вы нанесли мне большое оскорбление, но позвольте сказать вам, сэр, что вы честный человек! Вот моя рука, сэр, хотя мне никогда не приходило в голову, что собственная моя кровь и плоть жила на ваши средства...

И они пожали друг другу руки, к великому смущению лицемера Доббина, чье великодушие оказалось разоблаченным.

Доббин сделал попытку смягчить старика и примирить его с памятью сына.

– Джордж был такой молодец, – сказал он, – что все мы любили его и готовы были сделать для него что угодно. Я, в те дни еще молодой человек, был польщен свыше всякой меры тем предпочтением, которое Джордж мне оказывал, и не променял бы его общества даже на самого главнокомандующего! Я никогда не видел никого, кто сравнился бы с ним в храбрости или в других качествах солдата. – И Доббин рассказал старику отцу все, что мог припомнить о доблести и подвигах его сына. – А как Джорджи похож на него! – добавил майор.

– Он так похож на него, что мне иной раз просто страшно становится, – признался дед.

Раз два майор приезжал к мистеру Осборну обедать (это было во время болезни мистера Седли), и, оставшись вдвоем после обеда, они беседовали о почившем герое. Отец, по обыкновению, хвастался сыном, самодовольно перечисляя его подвиги, но чувствовалось, что он смягчился, что его гнев против бедного молодого человека остыл, и доброе сердце майора радовалось такой перемене в суровом старике. На второй вечер старый Осборн уже называл Доббина Уильямом, как в те времена, когда Доббин и Джордж были мальчиками. И честный наш майор усмотрел в этом доброе предзнаменование.

На следующий день за завтраком, когда мисс Осборн с резкостью, свойственной ее возрасту и характеру, рискнула слегка пройтись насчет внешности и поведения майора, хозяин дома перебил ее:

– Ты сама с удовольствием подцепила бы его, голубушка! Но зелен виноград! Ха-ха-ха! Майор Уильям прекрасный человек!

– Вот это правда, дедушка, – сказал одобрительно Джорджи и, подойдя к старому джентльмену, забрал в горсть его длинные седые бакенбарды, ласково улыбнулся ему и поцеловал его. А вечером передал весь этот разговор своей матери, и та полностью согласилась с мальчиком.

– Конечно, он превосходный человек! – сказала она. – Твой дорогой отец всегда это говорил: Доббин – один из лучших и справедливейших людей.

Очень скоро после этой беседы Доббин забежал к ним, что, должно быть, и заставило Эмилию вспыхнуть. А юный повеса смутил мать еще больше, передав Доббину вторую часть их утреннего разговора.

– Знаете, Доб, – заявил он, – одна необычайно прелестная девушка хочет выйти за вас замуж. У нее куча денег, она носит накладку и ругает прислугу с утра до ночи!

– Кто же это? – спросил Доббин.

– Тетя Осборн! – ответил мальчик. – Так сказал дедушка. Ах, Доб, вот было бы здорово, если бы вы стали моим дядей! Эмилия узнает, что и этим она обязана Доббину, узнает, что он и был неизвестным благодетелем, поддерживавшим ее в годы нужды. Но «за эту несравненную преданность она может заплатить только благодарностью»...

Несколько дней спустя, когда она сидела в гостиной, где Джоз с большим комфортом спал после обеда, Эмилия произнесла дрогнувшим голосом, обращаясь к майору Доббину:

– Мне нужно попросить у вас прощения за одну вещь.

– За что? – спросил тот.

– За это... за маленькое фортепьяно. Я не поблагодарила вас, когда вы мне его подарили... много, много лет тому назад, когда я еще не была замужем. Я думала, что мне его подарил кто-то другой. Спасибо, Уильям.

Она протянула ему руку, но сердце у бедняжки обливало кровью, а что касается глаз, то они, конечно, принялись за обычную свою работу.

Но Уильям не мог больше выдержать.

– Эмилия, Эмилия! – воскликнул он. – Да, это я купил его для вас! Я любил вас тогда, как люблю и теперь. Я должен все сказать вам. Мне кажется, я полюбил вас с первого взгляда, с той минуты, когда Джордж привез меня к вам в дом, чтобы показать мне Эмилию, с которой он был помолвлен. Вы были еще девочкой, в белом платье, с густыми локонами; вы сбегали к нам вниз, напевая, – вы помните? – и мы поехали в Воксхолл. С тех пор я мечтал только об одной женщине в мире – и это были вы! Мне кажется, не было ни единого часа за все минувшие двенадцать лет, чтобы я не думал о вас. Я приезжал к вам перед отъездом в Индию, чтобы сказать об этом, но вы были так равнодушны, а у меня не хватило смелости заговорить. Вам было все равно, останусь я или уеду.

– Я была очень неблагодарной, – сказала Эмилия.

– Нет, только безразличной! – продолжал Доббин с отчаянием. – Во мне нет ничего, что могло бы вызвать у женщины интерес ко мне. Я знаю, что вы чувствуете сейчас. Вас страшно огорчило это открытие насчет фортепьяно; вам больно, что оно было подарено мною, а не Джорджем. Я забыл об этом, иначе никогда бы не заговорил. Это я должен просить у вас прощения за то, что на мгновение, как глупец, вообразил, что годы постоянства и преданности могли склонить вас в мою пользу.

– Это вы сейчас жестоки! – горячо возразила Эмилия. – Джордж – мой супруг и здесь и на небесах. Могу ли я любить кого-нибудь другого? Я по-прежнему принадлежу ему, как и в те дни, когда вы впервые увидели меня, дорогой Уильям. Это он рассказал мне, какой вы добрый и благородный, и научил меня любить вас, как брата. И разве вы не были всем для меня и для моего мальчика? Нашим самым дорогим, самым верным, самым добрым другом и защитником? Если бы вы вернулись в Англию на несколько месяцев раньше, вы, может быть, избавили бы меня от этой... от этой страшной разлуки. О, она едва не убила меня, Уильям! Но вы не приезжали, хотя я желала этого и молилась о вашем приезде, и мальчика тоже отняли у меня... А разве он не чудесный ребенок, Уильям? Будьте же по-прежнему его другом и моим...

Тут ее голос оборвался, и она спрятала лицо на плече у Доббина.

Майор обнял Эмилию, прижал ее к себе, как ребенка, и поцеловал в лоб.

– Я не изменюсь, дорогая Эмилия, – сказал он. – Я не прошу ни о чем, кроме вашей любви. Пусть все останется так, как было. Только позвольте мне быть около вас и видеть вас часто.

– Да, часто, – сказала Эмилия.

И вот Уильяму было предоставлено смотреть и томиться, – так бедный школьник, у которого нет денег, вздыхает, глядя на лоток пирожницы.

На берегах Рейна, в маленьком герцогстве снова происходит встреча двух «подруг». Эмилия совершает заграничное путешествие с сыном, братом и Доббином, а Ребекка уже давно порхает по Европе, проматывая в карточной игре и сомнительного свойства приключениях содержание, назначенное ей мужем, и везде соотечественники из приличного общества шарахаются от нее как от зачумленной.

Но вот она видит Джозефа Седли, и в ее душе просыпается надежда. Бедная оклеветанная страдальца, у которой отняли честное имя и любимое дитя, как и в прежние времена без труда обводит вокруг пальца тучного щеголя и Эмилию, которые, как видно, ничуть не поумнели и ничему не научились.

Доббин, всегда питавший отвращение к Бекки, ссорится из-за нее с Эмилией и первый раз в жизни упрекает ее в том, что она не ценит «привязанности, которую с гордостью разделила бы более возвышенная душа». Он решает расстаться с Эмилией навеки. И тут Бекки, исполнившись восхищения Доббином и «презрительной жалости» к Эмили, совершает единственный в жизни бескорыстный поступок.

Она показывает Эмили письмо Джорджа, доказывающее его неверность.

Не можешь забыть его! – воскликнула Бекки. – Этого себялюбца и пустозвона, этого невоспитанного, вульгарного денди, этого никчемного олуха, человека без ума, без воспитания, без сердца, который против нашего друга с бамбуковой тростью – все равно что ты против королевы Елизаветы! Да ведь он тяготился тобой и, наверное, надул бы тебя, если бы этот Доббин не заставил его сдержать слово! Он признался мне в этом. Он никогда тебя не любил. Он вечно подсмеивался над тобою, я сама сколько раз слышала, и через неделю после вашей свадьбы начал объясняться мне в любви.

– Это ложь! Это ложь, Ребекка! – закричала Эмилия, вскакивая с места.

– Смотри же, дурочка! – сказала Бекки все с тем же вызывающим добродушием и, вынув из-за пояса какую-то бумажку, развернула ее и бросила на колени к Эмми. – Тебе известен его почерк. Он написал это мне... хотел, чтобы я бежала с ним... передал мне записку перед самым твоим носом, за день до того, как его убили, и поделом ему! – повторила Ребекка.

Эмми не слушала ее, она смотрела на письмо. Это была та самая записка, которую Джордж сунул в букет и подал Бекки на балу у герцогини Ричмонд. Все было так, как говорила Бекки: шалый молодой человек умолял ее бежать с ним.

Эмми поникла головой и, кажется, в последний раз, что ей полагается плакать на страницах нашей повести, приступила к этому занятию. Голова ее упала на грудь, руки поднялись к глазам, и некоторое время она отдавалась своему волнению, а Бекки стояла и смотрела на нее. Кто поймет эти слезы и скажет, сладки они были или горьки? Скорбела ли она о том, что кумир ее жизни рухнул и разлетелся вдребезги у ее ног, или негодовала, что любовь ее подверглась такому поруганию, или радовалась, что исчезла преграда, которую скромность воздвигла между нею и новым, настоящим чувством? «Теперь ничто мне не мешает, – подумала она. – Я могу любить его теперь всем сердцем. О, я буду, буду любить его, только бы он мне позволил, только бы простил меня!» Сдается мне, что это чувство затопило все другие, волновавшие ее нежное сердечко.

Идол повержен. Эмилия свободна и может ответить на чувство Доббина. История подходит к концу. Доббин соединяется с Эмилией, они ведут тихую жизнь в уютном собственном доме и дружат с обитателями Королевского Кроули. Джозеф до конца своих дней влачит жалкую жизнь раба Ребекки. Он умирает при «невьясненных обстоятельствах». Умирает от желтой лихорадки и Родон Кроули-старший. Его сын после смерти дяди наследует титул и поместье. Он не желает видеть мать, но назначает ей щедрое содержание, хотя она и без того достаточно обеспечена. У Ребекки немало друзей, считающих ее несправедливо обиженной. Она живет на широкую ногу и усердно занимается благотворительностью. Вот и все. Счастлива ли Ребекка? Счастливы ли Эмилия и Доббин? А кто из нас счастлив в этом мире?

И. А. Москвина-Тарханова